

Перед звёздной тишиной

ОТЕЦ ГАНЮШКИ (ТАК НАЗЫВАЛИ СЫНА РОДИТЕЛИ), секунд-майор Роман Николаевич, едва умел подписывать своё имя, а матушка Фёкла Андреевна и вовсе была безграмотна. Прогрессивная дубинка царя-реформатора если не повышибла мозги, то и вколотить тягу к просвещению в головы русских провинциальных дворян сразу не смогла. Во всяком случае, в Казани 1743 года было так.

Тем удивительнее оказался жизненный путь юного Ганюшки, впоследствии Гаврилы Романыча Державина. Рядовой Преображенского полка, прапорщик, подпоручик, капитан-поручик (выше военным чином выйти не привелось), тамбовский и олонецкий губернатор, сенатор, член Императорского совета, министр юстиции и генерал-прокурор, действительный тайный советник... Выше было некуда – и незачем.

Он и не рвался. Хотя был честолюбив, всюду служил ретиво и честно. Даже чуть не изловил однажды самого Емельку Пугачёва. Но не разобрал, что служить в России честно – самый верный путь в отставку, а то и под суд. Всех доставал своей прямою, так что императрица Екатерина убегала от него с криком "А еппуе!" ("Надоел!"), а император Павел, выслушав от Державина такое, за что полагалась тысяча плетей и Сибирь, на удивление, стерпел – и раскассировал строптивца только отстранением от должности "за непристойный ответ, им пред нами учинённый".

И он писал стихи. Корявые, хромые, спотыкающиеся – первые великие русские стихи. Не баловался пером – писал призванно, многотрудно, словообильно и с открытой душой. От нормативных прославительных од "на случай" свободно переходил к стихам игривым, анакреонтическим:

*Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях...*

В своём новгородском поместье Званка Гаврилы Романыч любил подглядывать за купающимися девочками, но с чистым сердцем – усматривал в сём зрелище нечто античное.

Частенько, перусердствовав за трапезою, ибо был чревоугодник, маялся животом. Малообразованный и торопливый, то и дело на письме сшибался: в его дневниковых записях попадают жалобы на обращение "О мой Мовтерпий, дражайший Мовтерпий!" Филологи

В. Боровиковский.
Портрет Гаврилы Державина.

сбились с ног в поисках таинственного Мовтерпия, пока не обнаружили, что это искажённая французская фамилия Мопертю.

Он и умер, как Гаргантюа – в очередной раз переед, занедужил, сердце не выдержало. Очевидец вспоминал: во время ночного плавания лодки с телом усопшего по Волхову вдруг наступила такая звёздная тишина, что свечи горели, не колебля пламени...

В кабинете Державина, на грифельной доске, после его кончины остались плохо процарапанные дрожащей рукой гениальные строки прощания с миром:

*Река времян в своём теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Мысль точна, чувство безошибочно. Только язык ещё сопротивляется – ткань текста перекручена, как мышцы атлета.

Не к одному благословию юного Пушкина свелась жизнь Державина. Он тоже был русский гений – сырой, грубый, неоформившийся. Великий в неказистости.

Андрей Кротков